

Два иероглифа «собачья рабыня» отчётливо врезалось в уши Чжэнь Вэньцзюнь, отозвавшись в левой половине груди частой, колющей болью. Проходя мимо, она невольно опустила голову. А-Сюнь была слишком увлечена разговором со своими спутниками, чтобы заметить идущего навстречу человека, и они со всего размаху столкнулись плечами.

А-Сюнь ощутила дикую боль, будто врезалась в каменную глыбу или кусок железа. Потирая плечо, она в глубоком изумлении уставилась на Чжэнь Вэньцзюнь. Пусть лазутчица ростом и комплекцией почти в точности походила на прежнего владельца кожи, но между хрупким девичьим плечом и мощным мужским всё же была ощутимая разница. Чтобы маскировка вышла безупречной, Вэньцзюнь намертво примотала к телу деревянные плашки, обложенные кусками свинины, делавшими плечи шире и выше. Для пущей надёжности она пропустила верёвки через подмышки, намертво зафиксировав фальшивый каркас. Не будь эта конструкция завязана столь крепко, этот не глядя нанесённый удар А-Сюнь запросто мог бы перекосить ей плечо.

- ...Сань Лан, будь аккуратнее, - А-Сюнь пошевелила ноющим плечом и с лёгким вздохом укорила его.

Оказалось, парня, чьё лицо она примерила, звали Сань Лан. Чжэнь Вэньцзюнь молча кивнула и уже собралась поскорее убраться отсюда, как вдруг А-Сюнь окликнула её:

- Постой-ка. Сань Лан, ты ведёшь себя как-то странно, - после этих слов А-Сюнь лазутчице, разумеется, больше нельзя было бежать, и ей пришлось застыть на месте.

Девушка не спеша подошла к ней со спины. В сознании Чжэнь Вэньцзюнь в этот миг пронеслись сотни вариантов развития событий и способов защиты.

На самом деле, ещё до того как переступить порог резиденции Се, она в деталях прокрутила в голове абсолютно всё, что могло с ней случиться. Что бы ни произошло, даже если её разоблачат прямо на месте, у неё был готов план отступления. Она была уверена, что сможет вырваться, если только её не зажмут в плотное кольцо стражников. Но она и в страшном сне не могла представить, что встретит здесь А-Сюнь.

С той роковой ночи в Нанья, когда она, рискуя жизнью, вырвала А-Сюнь из лап смерти, они не виделись уже полгода. Прощаясь, Вэньцзюнь пообещала, что при следующей встрече откроет ей всю правду. Но с тех пор она не просто завоевала безграничное доверие Вэй Тинсюй, а стала доверенной и влиятельной советницей самой Ли Яньи, стремительно обретая громкую славу в столице. Если А-Сюнь всё это время жила в Жунине, она не могла об этом не слышать. То, что она назвала её «собачьей рабыней», было верхом жестокости, но Вэньцзюнь не находила слов, чтобы оправдаться.

Будучи законной дочерью Се Тайхана, А-Сюнь имела полное право прийти и искать защиты у главы своей великой семьи Се Фучэня после того, как её отца лишили прав, расторгли его брак и с позором выставили вон из дома Яо. Вот только Чжэнь Вэньцзюнь не раз слышала о том, с каким презрением и пренебрежением Се Фучэнь прежде относился к этой глухой ветви их рода. Оставалось лишь гадать, через какие страшные потрясения пришлось пройти гордой и самолюбивой А-Сюнь, раз она всё же решилась явиться на поклон к Се Фучэню.

Встретить её в резиденции Се было полной неожиданностью и самым катастрофическим вариантом из всех возможных.

А-Сюнь росла вместе с ней и знала её как облупленную, к тому же Чжэнь Вэньцзюнь совершенно не представляла, в каких отношениях эта девица состояла с покойным Сань

Ланом. Лазутчица планировала тихо и мирно, не пересекаясь ни с кем из слуг, разведать обстановку и сразу же покинуть поместье. Появление А-Сюнь в пух и прах разнесло этот расчёт: Вэньцзюнь настолько потеряла покой, что сама же очертя голову в неё и врезалась. И раз уж А-Сюнь подметила странность, ей оставалось лишь набраться смелости и принять вызов. Она мысленно приказала себе: «Главное не паниковать и не выдать себя суетой».

А-Сюнь довольно долго ходила вокруг неё, придирчиво осматривая, а двое мужчин из её компании тоже хищно и враждебно уставились на неё.

Независимо от того, вскрылся обман или нет, Чжэнь Вэньцзюнь нерушимо стояла на месте, безропотно позволяя им изучать себя.

А-Сюнь дружески похлопала её по широкому плечу. Ощувив ладонью упругую, каменную твёрдость крепких мышц и костей под тканью, она с улыбкой промолвила:

- Поглядите-ка, а ведь упорные тренировки Сань Лана после того, как его напарника затерзал этот щегол из рода Чжансунь, принесли отличные плоды. Плечи налились такой силой, что мне аж до сих пор больно от твоего удара.

Чжэнь Вэньцзюнь выдавила подобие улыбки, но едва её сердце успело успокоиться, как улыбка с лица А-Сюнь бесследно исчезла, и она сухо спросила:

- Вот только почему ты упорно молчишь и не говоришь ни слова?

Лицо А-Сюнь стремительно каменело и наливалось холодом. Чжэнь Вэньцзюнь понимала: если она сейчас промолчит, это будет выглядеть верхом подозрительности.

Лазутчица чинно сложила ладони перед собой, и стоило ей заговорить, как А-Сюнь невольно вздрогнула от испуга:

- В последние дни сильно простудился, горло сильно воспалено и распухло, говорить невыносимо больно.

Перед тем как пробраться в поместье, она целиком проглотила корень ядовитой травы Ханьюцао, сознательно на время сжигая свои голосовые связки. Прогуливаясь по резиденции Се, она в любой момент рисковала наткнуться на тех, кто близко знал Сань Лана. Молчать вечно было нельзя, поэтому она выбрала путь радикального изменения голоса через болезнь, а при разговоре намеренно делала интонации более низкими и густыми - это позволяло запутать окружающих на какое-то время. Стоит ей вернуться домой и выпить пару чашек нужных отваров, как прежний девичий голос быстро вернётся к ней.

А-Сюнь услышала, что его голос и впрямь звучит невероятно сипло и хрипло, однако говор оставался привычным, тем самым глухим диалектом Суйчуаня.

То, что покойный Сань Лан был родом из провинции Суйчань, Чжэнь Вэньцзюнь выяснила ещё в притоне, когда обыскивала его одежду. В его карманах обнаружилось несколько коричневых орехов. Эти пряные и сладкие плоды были излюбленным лакомством у мужчин Суйчуаня, которые постоянно грызли их ради забавы. На основании этой детали она и заключила, что покойник её земляк, а потому при изменении лица намеренно добавила к речи акцент, чтобы окончательно усыпить бдительность врагов.

И А-Сюнь действительно поверила:

- С приходом осени погода меняется по сто раз на дню, подхватить простуду в такую сырость проще простого. Постой здесь, подожди меня немного, – с этими словами А-Сюнь поспешила к себе в комнату и вскоре вынесла оттуда небольшую аптечную шкатулку, протянув её Сань Лану:

- Эти снадобья в своё время принимал мой отец. Они прекрасно помогают от жара в лёгких и воспаления горла, достаточно принять всего три порции, и недуг как рукой снимет. Теперь, когда отца больше нет в живых, они ему всё равно без надобности...

Чжэнь Вэньцзюнь бережно приняла шкатулку с лекарствами и хрипло поблагодарила её. Она и представить не могла, что Се Тайхан уже расстался с жизнью.

Ещё в начале года, будучи в Нанья, она слышала, что Се Тайхан тяжело заболел. Позже, чтобы выслужиться перед Ли Яньи, семейство Яо прислало официальный документ о расторжении брака между госпожой Яо и Се Тайханом, так что обо всём этом Чжэнь Вэньцзюнь уже знала. Однако после отъезда из Нанья у неё решительно не оставалось ни времени, ни сил разузнать, как протекала болезнь Се Тайхана и куда уехала А-Сюнь. И подумать было нельзя, что новые известия застанут её в столь плачевном положении.

При упоминании Се Тайхана глаза А-Сюнь сверкнули влажным блеском, а голос стал глухим и тихим. Видимо, её отца действительно больше не было в живых.

Разумеется, Чжэнь Вэньцзюнь люто ненавидела Се Тайхана. За то, как он обошёлся с её матушкой, она спала и видела, как бы искромсать этого подлеца на тысячи кусков. Вот только сейчас, внезапно услышав о кончине своего врага, первой её мыслью стали вовсе не его былые бесчинства, а роковое осознание: «Он ведь тоже был моим отцом».

И хотя А-Сюнь ругала её, называя «собачьей рабыней», к обычному домашнему рабу она умудрялась проявлять тогда столько искренней заботы.

- Забирай лекарство. И помни: принимать по одной порции в день. Одну порцию заваривай на две пиалы, пей по чашке утром и вечером, – перед уходом А-Сюнь добавила ещё одно наставление.

В этом была вся А-Сюнь, она неизменно оберегала её. И сколько бы людей в семье Се ни презирали Вэньцзюнь как ничтожного слугу, А-Сюнь всегда относилась к ней как к родной младшей сестре.

Вот только время стремительно унеслось прочь, и ныне их пути разошлись навеки.

- Спасибо, молодая госпожа, – Чжэнь Вэньцзюнь со всей серьёзностью и почтением отвесила ей глубокий поклон, вытолкнув слова сквозь сильные связки. А-Сюнь мягко улыбнулась и ушла.

Спрятав аптечную шкатулку в широкий рукав, Чжэнь Вэньцзюнь продолжила разведывать обстановку в резиденции Се.

Стояла золотая осень, и деревья в саду поместья всю сбрасывали листву. Три-четыре домашних раба, вооружившись метлами, усердно выметали дорожки. Вэньцзюнь тоже раздобыла себе метлу и, притворяясь, будто занята делом, принялась расхаживать по дворам, успев обойти поместье чуть ли не целиком. В какой-то момент она услышала, как слуги упомянули имя «господина Се», поговаривая, что Се Фучэнь возвращается через три дня, а потому нужно как можно скорее вычистить и прибрать его личный кабинет.

Говоривший мужчина походил на управляющего, а вызванная им для уборки служанка была уже сильно сторблена годами, её руки почернели от следов застарелых, вскрывавшихся от холода обморожений. Женщина робко попросила отпустить её на сегодняшний день домой, сокрушаясь, что её младший сын тяжело заболел, и если немедленно не показать дитя лекарю, его жизнь окажется под угрозой.

- Вот как... Что ж, тогда ступай поскорее, дитя - это самое главное, - управляющий взмахнул рукой, веля ей уходить.

- Но... как же быть с кабинетом господина Се? Вам ведь тоже с минуты на минуту нужно отлучиться из поместья. - служанка даже начала переживать за дела управляющего.

Если не воспользоваться этим моментом сейчас, то когда ещё представится такой шанс?

Чжэнь Вэньцзюнь сделала шаг вперёд:

- Позвольте мне прибраться в кабинете господина Се.

Управляющий, взглянув на неё, невольно вздрогнул от неожиданности:

- Сань Лан! Что стряслось с твоим голосом?!

Чжэнь Вэньцзюнь точь-в-точь по прежней схеме повторила оправдание о простуде.

Управляющий покачал головой:

- Да у тебя и лицо бледное, краше и то в гроб кладут! Ты уверен, что сможешь убраться?

Она принялась усердно кивать, заверяя, что со всем справится. Тогда управляющий отпёр двери кабинета и, вкратце объяснив, на какие полки расставлять свитки и куда складывать кисти с тушью, спешно покинул двор.

Чжэнь Вэньцзюнь прекрасно понимала: раз в эту комнату столь легко пускают рядовых слуг, никаких по-настоящему важных государственных тайн здесь не хранят. Да и матушку в рабочем кабинете прятать бы точно не стали, если её и держат в этом поместье, то, скорее всего, в темницах глубокого подземного лабиринта. Сейчас, в чужом обличье, ей нельзя было действовать слишком подозрительно и лезть напролом, куда разумнее будет наведаться сюда ещё несколько раз, окончательно свыкнуться с ролью Сань Лана, изучить каждого слугу в лицо, а уж затем искать лазейки.

С метлой в руках она переступила порог кабинета. Внутри царил строгий покой и благородная тишина. На низком столике-аньци было разложено множество свитков и отрезков шёлка с текстами. Вэньцзюнь подошла ближе и бегло просмотрела их. Это оказались военные трактаты вроде «Вэй Ляо-цзы» и «Законы Сыма». Она вспомнила, что в покоях Вэй Тинсюй тоже хранилось великое множество книг по тактике. Очевидно, эти люди черпали свою поразительную, почти божественную проницательность именно со страниц древних военных свитков. Помимо трактатов, весь кабинет был буквально усыпан образцами каллиграфии самого Се Фучэня. Поразительно, но иероглифы были выведены самыми разными стилями и почерками, отчего казалось, будто их писали совершенно разные люди. Разумеется, Се Фучэнь с поразительной лёгкостью умел подделывать чужую руку.

Едва переступив порог, она уже по двум этим деталям ощутила, насколько опасен и силен Сыма. Неудивительно, что он в одиночку умудрялся удерживать на плаву слабеющего императора и до сих пор не рухнул с вершины власти.

Сама планировка кабинета казалась весьма причудливой: комната не имела правильной прямоугольной формы, её боковые стены сходились треугольниками, а книжные полки были буквально врезаны в саму кладку, отчего интерьер оставлял довольно гнетущее впечатление. «Может, в этих стенах скрыты механизмы? Ведущие прямым в потайные комнаты?»

При этой внезапной мысли Чжэнь Вэньцзюнь украдкой зыркнула в окно где последний слуга, закончив выметать двор, уже скрылся из виду. Она тут же бросилась к стеллажам, лихорадочно прощупывая уступы в надежде найти хоть какой-то поворотный рычаг или скрытую кнопку.

Секретных рычагов от потайных дверей обнаружить так и не удалось, зато из глубин одного слегка пожелтевшего от времени шёлкового свитка на пол скользнул какой-то предмет. Вэньцзюнь наклонилась и подняла вещицу. Это оказался сплетённый из сухой травы тотем. По внешнему контуру он образовывал правильный круг, внутри которого угадывался некий рисунок.

Чжэнь Вэньцзюнь принялась крутить и переворачивать травяной амулет в руках. Определив, где у него верх, а где низ, она отчётливо разглядела внутри травяного кольца птичью голову.

Этот тотем был сплетён за один раз из жёсткой травинки, а сама птичья голова была гордо и высоко запрокинута вверх, со всей очевидностью выражая величие и надменность.

Она видела этот тотем раньше, она была в этом уверена.

Сильное чувство дежавю захлестнуло её разум: когда-то очень-очень давно, в каком-то месте она определённо видела похожий тотем... Но где именно? И почему она вообще могла его видеть?

Чжэнь Вэньцзюнь была весьма уверена в своей памяти и крайне редко сталкивалась с ситуациями, когда не могла что-то вспомнить. Тем более что подобный тотем обладал глубоким символическим значением: доведись ей увидеть его, она непременно выяснила бы скрытый за ним смысл, а при такой двойной фиксации в памяти забыть его было попросту невозможно. Оставался лишь один вариант: она заметила его неосознанно, мельком, либо видела в глубоком детстве.

Раздался резкий скрип и кто-то вошёл в комнату. Сердце Чжэнь Вэньцзюнь испуганно ёкнуло, но она не стала судорожно отшвыривать вещь. Напротив, она не спеша вложила её обратно в шёлковый свиток, заново свернула его и принялась как ни в чём не бывало расставлять другие книги на стеллаже.

Вошедший оказался у неё за спиной и, судя по звукам, принялся что-то искать в кабинете. Вэньцзюнь уже заготовила в уме дежурную фразу, чтобы повернуться и вежливо спросить, не нужно ли помочь с поисками. Но стоило ей обернуться и разглядеть человека позади себя, как слова застряли у неё в горле.

У низкого столика-аньцзи неподвижно стоял господин в зелёном халате, статный и прямой, словно благородный длинный бамбук. Его чёрная клиновидная борода была безупречно подстрижена. Развернув один из свитков, он бегло просмотрел несколько строк, отложил его в сторону и, по-прежнему сосредоточив взор на текстах, небрежно обронил:

-Сань Лан, я слышал, ты болен.

Они не виделись уже много лет, но Чжэнь Вэньцзюнь никогда бы не забыла это лицо.

Фан Юйвэнь. Господин Юньмэн.

Этот человек много лет скрывался в семье Се в Суйчуане, служа стратегом Се Тайхана.

Се Тайхан умом не блестал, и тот зловещий план с угрозами жизни её матушке, скорее всего, был от и до разработан именно этим господином. Он неизменно оставался в тени, дёргая за ниточки. Впоследствии Вэньцзюнь бесчисленное количество раз мысленно возвращалась к тем событиям на скованной льдом реке, до мельчайших деталей перебирая в памяти подробности. Новые зацепки всплывали редко, но всякий раз, когда перед её мысленным взором вставал зловещий господин Юньмэн, маячивший за спиной Се Тайхана, по её коже пробегал леденящий мороз.

После отъезда из Суйчуаня от господина Юньмэна не было никаких вестей. Очевидно, он неотлучно следовал за Се Тайханом в Нанья, а после его кончины вместе с А-Сюнь явился на поклон к Се Фучэню. И когда Се Фучэнь перебрался из Дунчуня в Жунин, они, само собой, последовали за ним.

Чжэнь Вэньцзюнь не боялась ни А-Сюнь, ни кого-либо ещё из семьи Се, но перед господином Юньмэном она не ощущала ни малейшей уверенности. Вот и сейчас: он даже не удостоил её взглядом, лишь бросил мимолётный вопрос, а она уже почувствовала себя так, словно на неё в упор уставилась ядовитая змея.

- М-м? - не дождавшись ответа, господин Юньмэн сухо переспросил, всё так же не поднимая глаз.

- Кхм... - Чжэнь Вэньцзюнь прочистила горло, издав всё тот же заготовленный сиплый хрип: «Моё горло немного болит. Спасибо за ваше беспокойство, господин.»

- Господин? - господин Юньмэн внезапно опустил свиток на столик и чинно скрестил руки на груди. - Ты зовёшь меня господином?

Чжэнь Вэньцзюнь спросила в ответ:

- Разве это предосудительно, господин Юньмэн?

Раз уж они сошлись лицом к лицу, их диалог превратился в пущенную из лука стрелу и пути назад не было, как не было и времени на колебания. Стоило проявить хоть секундное замешательство или не поспеть за нитью разговора, как на лице проступил бы страх, и Юньмэн мгновенно нащупал бы брешь в её легенде. Фан Юйвэнь испокон веков пользовался прозвищем «господин Юньмэн», входя в число так называемых «пяти мудрецов Суйчуаня», и у него не было причин внезапно менять это обращение. Лазутчица сделала ставку на то, что господин Юньмэн просто прощупывает её.

Конечно, у неё был готов и запасной план.

И “Золотая Цикада”, и скрытые иглы в духовой трубке были заранее смазаны смертоносным усыпляющим составом «Сай Мафэй», так что внезапного крика с его стороны она не боялась. Перед входом она лично убедилась, что все слуги покинули этот двор. С тем слабым здоровьем и чахлым голосом, какими обладал господин Юньмэн, даже закричи он во всю мощь своих лёгких, звук вряд ли долетел бы до соседних построек. К тому же в тот самый миг, когда он только раскрыл бы рот для крика, Чжэнь Вэньцзюнь уже оборвала бы его жизнь.

Перед господином Юньмэном она не испытывала страха: она прекрасно знала, что её

физическая сила стократно превосходит его немощное тело, и при желании, ради сиюминутного удовлетворения, она могла бы прикончить его прямо здесь и сейчас.

Вот только оборви она его жизнь на месте, резиденция Се немедленно усилила бы караулы и бдительность, и пробраться сюда под маской в следующий раз стало бы неизмеримо труднее. Поэтому, пока ситуация не дошла до критической точки, она решила временно оставить голову господина Юньмэна на его плечах. Главное, что теперь ей точно известно, где находится этот подлец. А когда она разыщет матушку, убить его можно будет в любой удобный день.

- Ты ведь мой родной племянник, с чего вдруг зовёшь меня так официально? Разве тебе не следует звать меня дядей?

Глаза Чжэнь Вэньцзюнь слегка округлились, и в них мгновенно вспыхнула скрытая жажда убийства.

- Похоже, ты до сих пор таишь обиду за тот день, когда у вас случился конфликт с Чжансунь У, а я стоял рядом и пальцем не пошевелил, чтобы тебе помочь. Я могу понять, почему ты не хочешь признавать родство, но незачем так свирепо зыркать на меня, как-никак, в наших жилах течёт одна и та же кровь.

- ... - Чжэнь Вэньцзюнь предпочла промолчать.

- Не стану больше тебе досаждать, - господин Юньмэн направился к выходу. Похоже, он зашёл в кабинет исключительно ради того, чтобы разыскать племянника и высказать ему эти слова. К величайшему счастью, в его характере сквозило изрядное высокомерие: даже пытаюсь наладить натянутые отношения с родственником, он ни разу не взглянул в упор на фальшивое лицо Чжэнь Вэньцзюнь, иначе непременно подметил бы изъяны маскировки.

- Ах да.. Ты уже позаботился о трупe Сяоши? - господин Юньмэн был уже на самом пороге, когда внезапно обронил эту короткую фразу, которая подобно грому среди ясного неба в одночасье лишила Чжэнь Вэньцзюнь чувств.

Тело... Сяоши...

Матушка мертва?

У Чжэнь Вэньцзюнь со страшной силой зашумело в ушах, в горле мгновенно пересохло, и она едва не рухнула на пол.

Его слова со всей очевидностью означали лишь одно: матушки больше нет в живых...

Нельзя сказать, что она не была к этому готова, она бесчисленное количество раз прокручивала в голове этот кошмарный сценарий. Но когда страшная правда свинцовой плитой рухнула ей на голову, Чжэнь Вэньцзюнь окончательно обомлела, а слёзы неудержимым потоком хлынули к её глазам. Она поспешно согнулась в глубоком поклоне, дабы скрыть лицо:

- Дядя, я вовсе не таю на вас обиду. Я уже позаботился о трупe Сяоши, как вы и приказали.

- М-м, - господин Юньмэн удовлетворённо и протяжно хмыкнул. - Сбереги как следует те глазные яблоки, волосы и пальцы, что я велел тебе отрезать. Мы продолжим отправлять их А-Лай. Господин Се особо подчеркнул, что эту фигуру ни в коем случае нельзя упускать из рук. Теперь, когда Янь Е мёртв, весьма вероятно, что его прикончила сама А-Лай, совладать с этой девкой становится всё труднее. Эта презренная рабыня слушается, только если её хорошенько

огреть плетью. Впредь миссия по ведению этой лазутчицы и передаче ей тайных приказов ложится целиком на твои плечи.

Убей его.

- Эта девка сумела пробиться в число доверенных лиц Ли Яньи и прикончила Янь Е, а это значит, что она невероятно хитра. Не смей недооценивать её, иначе жестоко поплатишься.

Убей его!

- Отправь ей целую кисть руки. Господин Се особо указал: выбери ту самую руку, на которой отрублены три пальца, чтобы она с первого же взгляда всё поняла.

Убей!

Дух Чжэнь Вэньцзюнь взметнулся в яростном порыве, и она уже готова была рвануться вперёд, чтобы перерезать горло господину Юньмэну, как вдруг двери кабинета грубо распахнулись, и внутрь влетели двое слуг дома Се:

- Господин!

Чжэнь Вэньцзюнь так и не смогла пустить клинок в ход.

- М-м, - господин Юньмэн, вполголоса переговариваясь с вошедшими, покинул комнату, оставив в ней лишь Чжэнь Вэньцзюнь, у которой от пережитого напряжения едва не подкосились ноги.

Ответ, который она так страстно желала получить, наконец был найден. Самый страшный, самый катастрофический из всех возможных ответов.

Она в полном беспамятстве вышла через задние ворота резиденции Се, сорвала с лица чужую кожу, скинула верхний халат и швырнула всё это в мутные воды рва.

Она не могла ни о чём думать. Перед её глазами стояла кромешная тьма, и она даже не признавала, где находится.

В её памяти отпечатались лишь то, что с неба вновь хлынул дождь.

Сквозь пелену ливня куда-то бежали люди, спасаясь от непогоды, а она отрешённо взирала на этот мир, и в этот миг всё вокруг показалось ей абсолютно лишённым смысла. К чему прятаться от дождя? Одежда ведь всё равно когда-нибудь высохнет. И ради чего были все её усердные, выверенные планы, ради чего она раз за разом заигрывала со смертью, бросаясь в самую пасть гибели?

Матушка уже давно мертва... Давно мертва... Я не смогла её спасти, я никчёмное ничтожество!

Чжэнь Вэньцзюнь, обхватив себя руками, осела прямо на залитый дождём склон речной дамбы и безутешно, горько зарыдала.

Острая боль от заживо разорванного сердца причиняла ей невыносимые, предсмертные муки.

Той матушки, что всегда была строга, но бесконечно нежна с ней, той, что любила её беззаветно и без всяких условий, отдавая ей всё самое лучшее, больше не существовало в этом мире. Быть может, когда-то у неё действительно был шанс вызволить её, но она не справилась.

Горькое раскаяние и сокрушительная скорбь, точно клинки, удар за ударом кромсали её сердце, намертво заковыывая девушку в цепи бездонной пучины страданий.

Бог весть, сколько времени прошло, когда потоки льющегося сверху дождя вдруг пресекла накрывшая её масляный бумажный зонт. Чжэнь Вэньцзюнь слегка повернула голову и сквозь пелену слёз увидела четырёхколёсное кресло, колёса которого были погружены в дождевую воду.

- Сестрица Вэньцзюнь, с чего вдруг ты сидишь здесь под проливным дождём? - Вэй Тинсюй, Линби и Сяохуа стояли позади неё, взирая на девушку с глубокой, искренней тревогой в глазах.

Их не на шутку перепугал этот её дикий, воспалённый от слёз взор.

- Что с тобой стряслось, мелкая проказница? - взволнованно запричитала Линби. - Если что-то случилось, ты только скажи нам, зачем прятаться ото всех и плакать в одиночку? Ты нас совсем, что ли, ни во что не ставишь?!

Сяохуа лишь безмолвно покачала головой, глядя на подругу. Линби осеклась на полуслове, её собственные глаза разом покраснели, и слёзы крупными каплями хлынули по щекам.

За весь сегодняшний день от Чжэнь Вэньцзюнь не было ни слуху ни духу. Линби с ног сбилась, разыскивая её повсюду, а когда с наступлением сумерек та так и не объявилась, служанка окончательно запаниковала и бросилась со слезами к Вэй Тинсюй. Госпожа немедленно приказала абсолютно всем домашним рабам поместья выйти на поиски Чжэнь Вэньцзюнь. Стоило им троим покинуть порог поместья, как с неба припустил дождь, который в считанные мгновения превратился в неистовый, глухой ливень. Однако Вэй Тинсюй даже не подумала повернуть назад, она была полна решимости самолично отыскать Чжэнь Вэньцзюнь.

Сяохуа поначалу яростно противилась тому, чтобы госпожа покидала дом в такую ненастную погоду. Дело в том, что прямо перед этим Вэй Тинсюй проходила сеанс иглоукалывания: господин Сюй с завязанными глазами утыкал иглами всю её спину. Лекарю оставалось ввести последние шесть игл, когда в комнату вихрем влетела Линби со страшным известием об исчезновении Чжэнь Вэньцзюнь, сокрушаясь, что та вполне могла угодить в зловещую засаду Се Фучэня. Вэй Тинсюй в ту же секунду велела господину Сюю немедленно вытащить все иглы и, наспех накинув платье, ринулась к выходу. Лекарь отчаянно пытался её удержать, уверяя, что после введения этих снадобий необходимо провести в строгом покое хотя бы полчаса, и лишь по истечении этого времени можно будет идти куда угодно, иначе прерванный на середине сеанс нанесёт непоправимый вред её меридианам, ци и крови.

Сяохуа, выслушав лекаря, тоже попыталась было вставить веское слово, но Вэй Тинсюй заранее просчитала, что служанка опять станет лезть с поучениями. В тот самый миг, когда её поясной ремень затягивался на талии, госпожа одарила её столь леденящим, яростным взором, что Сяохуа оставалось лишь послушно и чинно закрыть рот.

Они блуждали в поисках больше часа, пока совершенно случайно не обнаружили Чжэнь Вэньцзюнь на самом берегу рва. И хотя никто из них не знал, что именно стряслось, но то, как безутешно рыдала всегда весёлая, стойкая и сильная Чжэнь Вэньцзюнь, вдребезги разбило им сердца.

- Иди сюда, - Вэй Тинсюй нежно протянула к ней руку.

Её ладонь была обращена вверх, а пальцы слегка приоткрыты навстречу Чжэнь Вэньцзюнь. Это

было безмолвное, трепетное приглашение подойти ближе.

- Когда на душе невыносимо тяжело, плачь, если хочется, - тихо промолвила она. - Прильни к моей груди и выплесни всё.

Мышцы на лице Чжэнь Вэньцзюнь судорожно дрогнули, и она, рванувшись вперёд, рухнула в объятия Вэй Тинсюй, содрогаясь от беззвучного, разрывающего лёгкие плача.

Вэй Тинсюй ласково гладила насквозь промокшую под дождём Чжэнь Вэньцзюнь. Подушечками пальцев она бережно распутывала её влажные пряди волос, а кольцом своих рук наглухо и надёжно укрыла её лицо от чужих взоров, чтобы ни одна живая душа не увидела её минутного бессилия и душевного надлома.

Линби, намертво зажав рот ладонью, поспешно отвернулась. Сяохуа же раскрыла над ними ещё один зонт, полностью защищая обеих девушек от безжалостных потоков ливня.

***

Постель Вэй Тинсюй была невероятно мягкой, а в покоях витал тонкий, едва уловимый аромат благовоний, принадлежавший исключительно ей одной.

Чжэнь Вэньцзюнь в полном изнеможении покинула горячую купальню и сразу же, без оглядки, уткнулась лицом в грудь Вэй Тинсюй.

Вэй Тинсюй бережно просунула руку под её шею, заменяя ей подушку.

Вэньцзюнь закинула руку на её грудь, всем телом прильнув к ней, и мёртвой хваткой вцепилась в её предплечье с другой стороны, не желая разжимать пальцы ни на миг. Вэй Тинсюй лежала, слегка опустив веки, сжимая в руке тонкий платок, она бережно и мягко осушала каждую слезу, что без конца катилась из глаз её безмолвной защитницы.

Вэй Тинсюй ни разу не спросила её о причинах этого горя.

Прежде Чжэнь Вэньцзюнь, возможно, сочла бы, что госпоже попросту нет дела до чужих страданий. Однако эта её чуткая забота заставила лазутчицу на собственной шкуре ощутить: её молчание таило в себе совершенно иной, сакральный смысл.

Существуют горести, о которых можно поведать миру. И те раны, облегчить которые можно простым рассказом, скорее всего, не являются фатальными. По-настоящему же сокрушающая человеческий разум и волю боль - это боль абсолютного, беспросветного отчаяния. Это раны, которые не способны затянуться и через десятки лет, и это именно то горе, которым невозможно поделиться с окружающими.

И Вэй Тинсюй это прекрасно понимала.

Именно потому, что ей самой довелось пройти через самые жуткие, превосходящие человеческое воображение муки в этом мире, она относилась к чужому, заживо разорванному сердцу с такой исключительной, благоговейной нежностью.

И как бы сильно Чжэнь Вэньцзюнь ни наваливалась всем телом на руку Вэй Тинсюй, как бы крепко ни сжимала её запястье и ладонь, госпожа не проронила ни единого слова упрёка. Даже когда её собственная рука давно затекла и полностью онемела от тяжести, у неё и в мыслях не было высвободиться или отодвинуться.

Чжэнь Вэньцзюнь погрузилась в глубокий, беспмятный сон прямо в её объятиях. И в этом сне она перенеслась в далёкие годы своего детства, где чудесным образом стала настоящей, прежней Чжэнь Вэньцзюнь.

Там они вместе с матушкой спасли попавшую в беду, раненую Вэй Тинсюй, после чего втроём остались жить в глухих, отрезанных от суетного мира изумрудных горах. Они промышляли охотой, ловили рыбу в чистых реках, не знали ни придворных распрей, ни коварных интриг, и были безгранично, упоительно счастливы вместе.

<http://bllate.org/book/17227/1721838>